

УДК 35.086

Т.И. Еремина

канд. юрид. наук, доц.

Российский государственный

педагогический университет им. А.И.Герцена

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования юридической ответственности учителей – государственных гражданских служащих Российской империи.

Для учителей училищ, подведомственных министерству народного просвещения была предусмотрена ответственность за недобросовестное исполнение своих обязанностей. Законодательство Российской империи содержало правовые нормы, определяющие формы такой ответственности и порядок привлечения к ней учителей – государственных гражданских служащих.

Учитель, изобличенный в сводничестве несовершеннолетних лиц, находящихся под его надзором, в соответствии со ст. 1000 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных подвергался лишению всех

особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке в Сибирь или в исправительные арестантские отделения. Учителя, наставники, изблеченные в распространении сочинений или изображений «противных добрым нравам и благопристойности в учебных заведениях или между малолетними или несовершеннолетними, вверенными их надзору» подвергались удалению от должности или званий своих и заключению в тюрьму на срок от двух до четырех месяцев [1].

За публичные речи, произнесенные учителем в учебном или ином воспитательном заведении в присутствии воспитанников или учащихся, с употреблением «явно оскорбительных для добрых нравов или противных благопристойности» слов и выражений виновные приговаривались к наказанию (налагаемому мировыми судьями) в виде ареста до одного месяца или денежному взысканию до ста рублей в соответствии со статьей 43 Устава о наказаниях [2]. Следует отметить, что в отношении педагогических работников учебных заведений применялась также и статья 142 указанного устава (о самоуправстве). В примечаниях (п. 90) к статье уточнялось, что под понятие самоуправства подходит самовольное телесное наказание учителем учеников.

Для государственных гражданских служащих учебных заведений применялась и дисциплинарная форма ответственности. Анализ норм Уложения о наказаниях 1845 года позволяет утверждать, что законодатель изначально не выделял отдельно дисциплинарную ответственность, отождествляя ее с уголовной. Представители юридической науки также рассматривали дисциплинарную ответственность как отдельный, исключительный случай уголовной ответственности за малозначительные противоправные деяния. С развитием правовой науки возобладала точка зрения о самостоятельности, обособленности дисциплинарной ответственности, которая нашла свое подкрепление соответствующим нормативным обеспечением [3, с. 2].

Законом предусматривались следующие формы дисциплинарных взысканий: замечание, более или менее строгое, выговор, более или менее строгий, с занесением в послужной список, вычет из жалованья, выговор, более или менее строгий, без занесения в послужной список, перемещение с высшей должности на низшую, удаление от должности, вычет из времени службы, отрешение от должности, исключение из службы [4].

Большинство дисциплинарных наказаний назначалось за незначительные должностные проступки, не повлекшие за собой серьезного ущерба интересам службы или государства. Дисциплинарные

взыскания налагались на виновных в административном порядке, то есть властью непосредственного начальника или вышестоящего должностного лица (от которого зависело определение служащего к должности) и не влекли за собой ограничений гражданских и иных прав наказуемого [5].

Повторное совершение одного и того же должностного проступка могло повлечь ограничения в правах виновного. Уложение о наказаниях предусматривало, что лица обоего пола, определяющиеся в частные дома для воспитания детей и не имеющие звания домашних учителей и соответствующих свидетельств, подлежали взысканию в 75 рублей в пользу капитала призрения домашних учителей и учительниц. Такому же взысканию в пользу того же капитала подвергались родители, родственники или опекун, принявшие в свой дом для воспитания детей указанное лицо. При попытке этих же лиц (подвергнутых уже взысканию) снова определиться в частные дома для воспитания детей без установленного свидетельства, было предусмотрено взыскание в 150 рублей в пользу капитала призрения домашних учителей и учительниц и указанные лица отдавались под надзор полиции на 1 год. Родители, родственники, опекун, принявшие повторно в свой дом такого учителя без свидетельства приговаривались к двойному денежному взысканию, имевшему место в первом случае [6].

Министр народного просвещения указывал на необходимость со всей строгостью обращать внимание на благонадежность работников учебных и воспитательных заведений. В случае выявления учителей или воспитателей с «прежнею подсудимостью в недавнее еще время» или «дурным поведением» заслуживших порицание, навлекших на себя сильное подозрение, а также «ззорным поведением, либо нерадением не заслуживающих одобрения», следовало немедленно сообщать о таковых министерству для разрешения уволить их со службы. Учителей, исключенных за «дурное поведение», в случае их исправления, могли вновь принять на службу в учебное ведомство только с чином 14 класса. При этом попечители учебных округов должны были получить разрешение министра народного просвещения и представить ему причины увольнения учителя [7].

В случае исключения из службы за тяжкие должностные преступления право службы утрачивалось навсегда. Эти взыскания могли налагаться на служащих не иначе как по суду, однако само привлечение к суду гражданских служащих Российской империи было возможно только с разрешения их начальников. Н.М. Коркунов комментировал эту ситуацию следующим образом: «... наше законодательство устанавливает особый порядок предания суду самих должностных лиц по преступлениям по должности. Предание суду

служащего зависит не от органов судебной власти, а от его начальства. По общему правилу, предание суду зависит от той же власти, от которой зависит и назначение на должность» [8, с. 278].

В Уставе правительствующего Сената от 13 мая 1910 года № 6182 было дано разъяснение о том, что постановления административного начальства о возбуждении против должностных лиц уголовного преследования обжалованию со стороны самих обвиняемых не подлежит, так как все объяснения и доказательства в свое оправдание они могут представить тому судебному установлению, в производстве которого находится возбужденное против них дело [9, с. 175].

Устав уголовного судопроизводства, устанавливал порядок привлечения государственных служащих к ответственности. Сообщения о должностных преступлениях необходимо было направлять в первую очередь начальству, от которого зависело определение обвиняемого к должности. Начальники же были обязаны сообщить обвиняемым о «предметах обвинения», а также об имеющихся доказательствах, требуя при этом объяснений. Если объяснения обвиняемого не могли прояснить дело, начальник должен был провести предварительное расследование с помощью подведомственных ему же чиновников. После принятия объяснений обвиняемого и результатов следствия начальник мог решить дело в административном порядке или внести представление о предании обвиняемого суду [10]. Таким образом, решение таких дел в суде и решение судей зависели от результатов следствия, проведенного ведомством обвиняемого.

Вопрос о привлечении служащего к ответственности решался в зависимости от занимаемой должности губернским правлением, Советом министра и Главными управлениями, первым департаментом Сената [11]. Специальными указами Сената был уточнен порядок привлечения к ответственности служащих по учебному ведомству. Указом Правительствующего Сената 1 ноября 1906 года №739 о порядке предания суду за преступные деяния по службе лиц учебного ведомства, которые определялись к должности властью попечителей учебных округов, было определено, что указанные лица предаются суду по постановлениям Совета министра народного просвещения. В Указе Правительствующего Сената 13 апреля 1909 года о порядке предания суду за преступные деяния по службе лиц учебного ведомства, которые определялись к должности властью ниже попечителя учебного округа, было определено, что указанные лица подлежат преданию суду по постановлениям губернских правлений [9, с. 172-173].

Такой порядок позволял начальнику практически любые дела в отношении своих подчиненных решать в административном порядке.

В подобной ситуации имела место личная зависимость служащих от начальства и возможность произвола с его стороны. Примером этого может служить норма Устава о службе по определению от правительства, которая разрешала начальнику неспособных, по его мнению, служащих к выполнению своих должностных функций, а также тех, кто неблагонадежен или «сделал вину, известную начальству, но такую, которая не может быть доказана фактически», увольнять от должности без объяснения причин. Уволенные не имели права жаловаться в этом случае на решение начальников. Закон предписывал оставлять такие жалобы «без всякого движения» и не принимать на рассмотрение [12]. Такое право увольнения по так называемому третьему пункту принадлежало начальству без всякого контроля.

Отсутствие некоторых правовых предписаний в законодательстве также обуславливало возможность принятия субъективных решений начальства. Так, Устав о службе по определению от правительства определял срок, на который начальство имело право разрешать отпуск, не касаясь просрочки отпусков по болезни и другим причинам. Устав о службе (ст. 774) определял, что взыскания и наказания за неявку к должности представлены в статьях 412-414 Уложения о наказаниях. По каждой из таких ситуаций (несвоевременное возвращение после летних каникул учителей) учебное начальство могло принять различные решения в зависимости от того, признает ли оно уважительной причину несвоевременной явки на службу, а отсюда – будет работник подвергнут вычету из жалования или увольнению. Вычтенные в этом случае деньги обращались в хозяйственные суммы учебных заведений министерства народного просвещения [9, с. 161].

Таким образом, исходя из предшествующих положений можно сделать вывод о том, что порядок привлечения к ответственности служащих ведомства министерства народного просвещения, определенный законодательством указанного периода, давал возможность начальству рассматривать дела о должностных преступлениях и решать их в своих ведомственных интересах. Законодательство о юридической ответственности учителей - гражданских служащих XIX – начала XX веков нуждалось в дальнейшем совершенствовании – создании возможности максимально объективного рассмотрения дел о «преступных деяниях по службе лиц учебного ведомства» и справедливого их решения.

Список использованных источников

1 Свод законов Российской империи. СПб. 1885 по Продолжению 1895. Т.15.Ст.1002.

2 Свод законов Российской империи.СПб. 1885 по Продолжению 1895. Т.15.Ст. 1003.

3 Курдюк П.М. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственных служащих по российскому дореволюционному законодательству// Научный журнал КубГАУ. 2012.

№ 78(04).

4 Свод законов Российской империи. СПб.1904.Т.15. Уложение о наказаниях. Ст.65.

5 Свод законов Российской империи.СПб.1904.Т.15. Ст.67.

6 Свод законов Российской империи. СПб. 1904. Т.15. Ст.

83. 7 Свод законов Российской империи. СПб. 1896. Т.3.

Ст. 196.

8 Коркунов Н.М. Русское государственное право: в 2-х т. СПб., 1892.

9 Лаурсон А.М. Справочная книга для учебных заведений и учреждений ведомства министерства народного просвещения. Пг. 1916.

10 Свод законов Российской империи.

СПб.1892.Т.10.Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1085-1087.

11 Свод законов Российской империи.

СПб.1892.Т.10.Устав уголовного судопроизводства Ст. 1089 – 1091.

12 Свод законов Российской империи. СПб.1896.Т.3.Кн.1.Ст788-789.

The article deals with the problems of legal regulation of the legal responsibility of teachers – civil servants of the Russian Empire.